

Uninvited guest

Imposture became the unexpected way of self-realization. In order to possess the throne many of the supposed sovereigns believed themselves to be chosen by the gods- and were crushed by the burden of responsibility. Whose benefit did they act in?

Ilia Nosirev

Незванный ГОСТЬ

Самозванство в России стало неожиданным способом самореализации. Чтобы завладеть престолом, многие из мнимых государей уверовали в свою избранность – и были раздавлены бременем ответственности. В чьих интересах они действовали?

ИЛЬЯ НОСЫРЕВ

Придворные историографы Романовых, начиная с Карамзина, немало сделали для того, чтобы превратить этого человека, нежданно оказавшегося на престоле Московского государства, в какого-то Емелю-дурачка, которому повезло взять за жабры польскую щуку и с её помощью въехать на печке в кремлёвские палаты. Видом он и вправду был неказист: нос широк, шея коротка, на лице бородавки, одна рука короче другой. Но Лжедмитрий вовсе не был дурачком – напротив, умные глаза выдавали в нём талантливого интригана, а умелое обхождение – хорошего психолога. И устоявшееся представление о нём как о пешке в плане польского короля покорить Россию тоже неверно: чтобы царствовать и всем владеть, он потратил столько усилий, как мало кто из правителей после него.

Как и большинство последующих самозванцев, Отрепьев завёлся, подобно опарышу, в мёртвых

телах предшествующих царствований. Иван Грозный истребил самого способного из сыновей – Ивана. Другой сын, восьмилетний Димитрий, погиб сам: очередной приступ эпилепсии, которой он был подвержен, застал его во время игры в тычку и мальчик зарезался собственным ножом. Сменивший Грозного на троне средний сын, больной телесно и душевно Феодор, царствовал недолго: женившийся на своей сестре Ирине Годунов пробрался в палаты, на которые не имел права, и обосновался там, словно лиса, нашедшая свою лубяную избушку. Несмотря на огромные таланты, которыми обладал царь, ему не повезло: начавшийся голод заставил народ шептаться о том, что неурожаи стали расплатой за якобы совершённое по его наущению убийство невинного отрока.

Среди тех, кто внимал этим разговорам, был и монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев. Способный юноша рано потерял отца, зарезанного в пьяной драке. Его взял в услужение один из Романовых, но это едва не стоило Григорию жизни – когда Годунов заопасался, что этот боярский клан отберёт у него власть, и начал репрессии против его представителей, Отрепьеву пришлось постричься в монахи, чтобы спастись. Выскочка, успевший почувствовать вкус близости к власти, он с трудом переносил положение смиренного инока и то и дело хвастался братии, что она ещё увидит его на царском троне! Дерзость необычайная – царь, которому донесли эту похвальбу, распорядился отправить наглеца из престижного Чудова в провинциальный монастырь, однако Гришка, взяв в компаньоны двух певчих, пустился в самовольное странствие. К тому моменту, когда он пересёк границу Речи Посполитой, в голове у него вряд ли был какой-то план. Остановившись сперва у одного князя, слывшего поборником православия, Григорий усердно изображал истового монаха, но подвигами веры хозяина не увлёк. Тогда Отрепьев перешёл на службу к князьям Вишневецким. Здесь он тоже большого интереса не вызвал – один из Вишневецких даже излупил его за недостаточное усердие в работе банщика.

Тогда Отрепьев решил идти ва-банк: слёг от болезни, а пришедшему его исповедовать духовнику сунул грамотку – вот вся правда о том, кто я такой, как умру, так передайте Вишневецким обо мне... Духовник грамотку прочёл и тут же побежал докладывать князю: оказывается, под личиной скромного монаха и слуги скрывался царевич Димитрий, сын самого Ивана Грозного! История чудесного спасения со слов лежавшего в горячке выглядела так: к сосланному в Углич царевичу Годунов неоднократно подсылал убийц, но всякий раз отрок спасался благодаря заботе своего учителя. Дошло до того, что решительный педагог в ожидании очередного покушения подменил мальчика – уложил в его постель сверстника из

слуг, а самого спрятал. Когда ночью в терем ворвались убийцы, они закололи ни в чём не повинного двойника. В суматохе не только слуги, но и сама вдова-царица поверили, что убили настоящего Дмитрия. Этого и нужно было учителю: он видел, что Годунов от попыток истребить соперника не откажется, и поэтому увёз мальчика и спрятал его, а перед смертью убедил его ради безопасности поступить в монахи.

Вишневецких раздувало от гордости, что у них в гостях оказался сам русский «господарчик». Они известили об этом короля Сигизмунда, тот дал через папского нунция знать в Ватикан, и для Отрепьева настала пора нелёгких испытаний: придворные расспрашивали его, пытаясь срезать на очевидных мелочах биографии. Но он держался уверенно и отстаивал свою версию. Трудно представить, что поляки использовали Отрепьева, прекрасно зная, что он самозванец. Ну не мог воевода Мнишек предложить в жёны худородному монашку свою красавицу дочь: «Самозванец вас ангажирует на танец». Нельзя считать поляков и столь наивными, чтобы поверить в шитую белыми нитками историю. Скорее всего, они действовали по принципу: «А чёрт его знает!». Сыграло свою роль то, что русские дела Запад традиционно воспринимал как нечто среднее между постмодернистским сериалом и запутаннейшим ребусом. Вот Грозный – он правда сына убивал? А Новгород зачем казнил – там правда был заговор или он с ума сошёл? А Годунов царевича на нож толкал или он сам зарезался? И тут они не могли сказать наверняка, подёргивается ли глаз у этого лукавого человека от вранья или от детских травм. Они приняли версию о его царском происхождении так же, как нынешний Запад версию о том, что президента американцам выбрали русские хакеры. Правда или нет, но удобная.

Он вам не Дмитрий

Расчёт поляков был на удивление правилен. В Европе с феноменом самозванства были хорошо знакомы (всего за два десятка лет до появления Лжедмитрия монашек Матеуш Альвареш выдавал себя за короля Португалии Себастьяна), но наивные русские и поверить не могли, что кто-то посторонний может назвать себя государем и на него не обрушится крыша. Раз говорит, что Дмитрий, значит, так оно и есть. Триумфальное возвращение Григория в Россию обеспечили не только болезнь Годунова и боярская ненависть к этому царю, но и народная радость о том, что наконец отыскан подлинный государь. Вдруг оказалось, что новый государь хорош для всех. Как только патриарх возложил на его главу царский венец, всё в государстве наладилось. Сын Грозного вернулся из ссылки сосланных Годуновым бояр, увеличил жалованье служилым людям, стал искоренять

лихоимство – вороватых чиновников с позором водили по Москве и били палками.

Нет, совершенно несправедливо обошлись с Лжедмитрием историки – сперва царские, а потом советские. Много из того, что делал этот царь, можно сопоставить с деяниями самого славного из Романовых – царя Петра. Отрепьев открыл границы страны, сделав её сообщения

с окружающим миром самыми свободными в Европе тех времён, старался привнести на Русь западные науки (собирался открыть в Москве первый русский университет), отбирал земли у монастырей, пополняя царскую казну, и даже именовал себя императором! Европейское платье, европей-

► Лжедмитрий: «Стану царём – выучу всех читать и писать»

ские нравы – ну чем не Пётр? И даже его равнодушие к православию куда скромнее петровского: царь Пётр со своим «всепьянейшим собором» катался по Москве в карете, запряжённой свиньями, а Лжедмитрий, позёвывая, всё-таки посещал русские церкви. «Есть два способа царствовать, милосердием и щедростью или суровостью и казнями; я избрал первый способ; я дал Богу обет не

проливать крови подданных и исполню его», – говорил царь. И не лгал. Даже Шуйского, уличённого в заговоре и приговорённого Земским собором к казни, помиловал, заменив смерть ссылкой.

Но то, что век спустя сумел сделать железной рукой Пётр, которого считала антихристом добрая половина России, не удалось Лжедмитрию: настоящих прав на престол не имел, отдал Москву на растерзание иностранцам, от которых слишком

зависел. Победитель быстро сделался заложником своих союзников. Чувствовавшие себя хозяевами поляки и литовцы хватили на улице красивых женщин, казаки из войска царя бесчинствовали в кабаках, бояре снова сцепились между собой... Главным врагам Лжедмитрия, Шуйским, не стоило особого труда убедить москвичей в том, что он собирается крестить Русь в нечестивое «латинство». По столице ползли слухи, будто ложный царь специально кладёт в сапог православный крест, чтобы при каждом шаге кощунственно топтать его.

До трагического финала было рукой подать. Поляки не обманули Отрепьева: как только он венчался на царство, в Москву прибыл его приз – Марина Мнишек. Свадьба длилась десять дней и осточертела русским так, как их нынешним потомкам осточертевают новогодние каникулы: все перепились и передрались друг с другом. Невеста оказалась католичкой, обряд венчания грубо нарушили, а в конце празднования вдруг ударили в набат: Шуйский собирал москвичей на защиту царя, которого якобы собирались убить поляки. Закипела свалка, а хитрый боярин с верными воинами уже обложили царские палаты. Пытаясь спастись, царь выпрыгнул из окна и сломал ногу. Когда он пришёл в чувство, над ним нависали мрачные физиономии заговорщиков. Одни щёлкали его по носу, другие дёргали за уши, спрашивая: «Говори, такой-сякой, кто твой отец? Как тебя зовут?» До самого конца царь уверял, что он Дмитрий, сын Грозного. Тогда один из заговорщиков со словами: «Вот я благословляю польского свистуна!» – выстрелил в него из пищали.

Истерзанный труп Лжедмитрия бросили на Лобном месте. Лицо свергнутого царя закрыли скоморошьей маской, в рот вставили дудку, в руки дали волынку. Пока самозванец, точно пьяный шут, валялся на площади, на улицах погибали его соратники и гости, приехавшие на царскую свадьбу. По некоторым улицам нельзя было пройти из-за тел «поганых». По истечении трёх дней победившие горожане сожгли труп Григория, зарядили его в пушку и выстрелили на запад – не только потому, что там лежала породившая самозванца Польша, но и потому, что, по представлению русских, на западе находился ад.

Как бы то ни было, Григорий Отрепьев стал первопроходцем. Многие русские были возмущены кощунством Отрепьева, представлявшегося наследником помазанника Божьего, другие наивно продолжали верить, что Шуйские убили законного царя, но были и такие, которых восхитил простой и гениальный мошеннический трюк: а что, так можно было? И вот уже один из жестоких убийц сына Годунова, 16-летнего Фёдора, московский дворянин бежал в Польшу и оттуда принялся рассылать подмётные письма: я, ваш царь, спасся и скоро вернусь чинить суд. Одна только беда –

его в Москве хорошо знали и сам сыграть роль царя он не мог.

Но что было делать полякам? О них-то кто-то подумал? Они почувствовали себя примерно так же, как голливудские продюсеры, отснявшие до половины дорогостоящий фильм, когда у них умер главный актёр. Выбросить в трубу сценарий, деньги, метры отснятой плёнки? Нет, актёра надо заменить. И вскоре на Руси показались, точно затухающее эхо, ещё три Лжедмитрия, мал мала меньше. Первого поляки отыскивали где-то в Белоруссии и во главе своего войска повели на Москву, где окопался когда-то столь неосмотрительно помилованный Лжедмитрием Шуйский. Поляки-то знали правду, а вот у тех из москвичей, кто не мог забыть доброго царя Дмитрия, были серьёзные аргументы. Труп, лежавший на Лобном месте, был в маске, и никто не видел его лица. Зато все видели, что у убитого длинные волосы, а перед свадьбой модник Лжедмитрий коротко подстригся. А главное – вторично спасшегося царя признала даже родная жена – Марина Мнишек. Как ни противен был ей этот безродный и неотёсанный дублёр, но деваться было некуда.

Заняв Тушино, самозванец соорудил там альтернативный царский двор, откуда правил огромной частью России. И тут началось настоящее безумие. Словно сыновья лейтенанта Шмидта, приезжали в лагерь «царя» его «родственники» – человек десять казацких атаманов, диких людей, которые и писать-то не умели. Но что поделаться, и им хотелось шапки Мономаха и плюшевых мнишек! Но им не повезло – самозванец конкурентов не потерпел и приказал их всех повесить. Впрочем, и его собственное царствование длилось недолго. Шуйский в обмен на уступки убедил поляков бросить своего ставленника, а шведов – ввести в российские земли отряд, который нанёс сторонникам самозванца несколько горьких поражений. В конце концов, его убил крещёный татарский мурза Урусов. Мнишек пыталась бежать с трёхлетним сыном, прижитым от второго самозванца, но её схватили и посадили в темницу, а «ворёнка» повесили возле Серпуховских ворот. Мальчик был мал, и петля не смогла его удушить. Он умер через несколько часов от холода, а вскоре от тоски по ребёнку скончалась и Марина.

Глухим эхом отозвались в разных углах страны ещё два Лжедмитрия, но большого успеха не имели. Как нудный сериал, где главного героя играл уже четвёртый по счёту актёр, Смута заканчивалась не только потому, что ополчение прогнало иноземцев, но и потому, что всё меньше людей были готовы поверить в законные права на престол кого-то из самозванцев и тем более каких-то там атаманов. А главное – не верили в свои права и сами самозванцы. В отличие от самого первого. Сейчас историки всё более склоняются к мнению,

что Отрепьев и вправду верил в то, что он царский сын. Но как же это может быть? Неужели он не помнил своё малорадостное детство и мать, не имевшую ничего общего с последней женой Грозного Марией Фёдоровной? Тайна эта, вероятно, откроется лишь к концу сей истории.

Лифт на эшафот

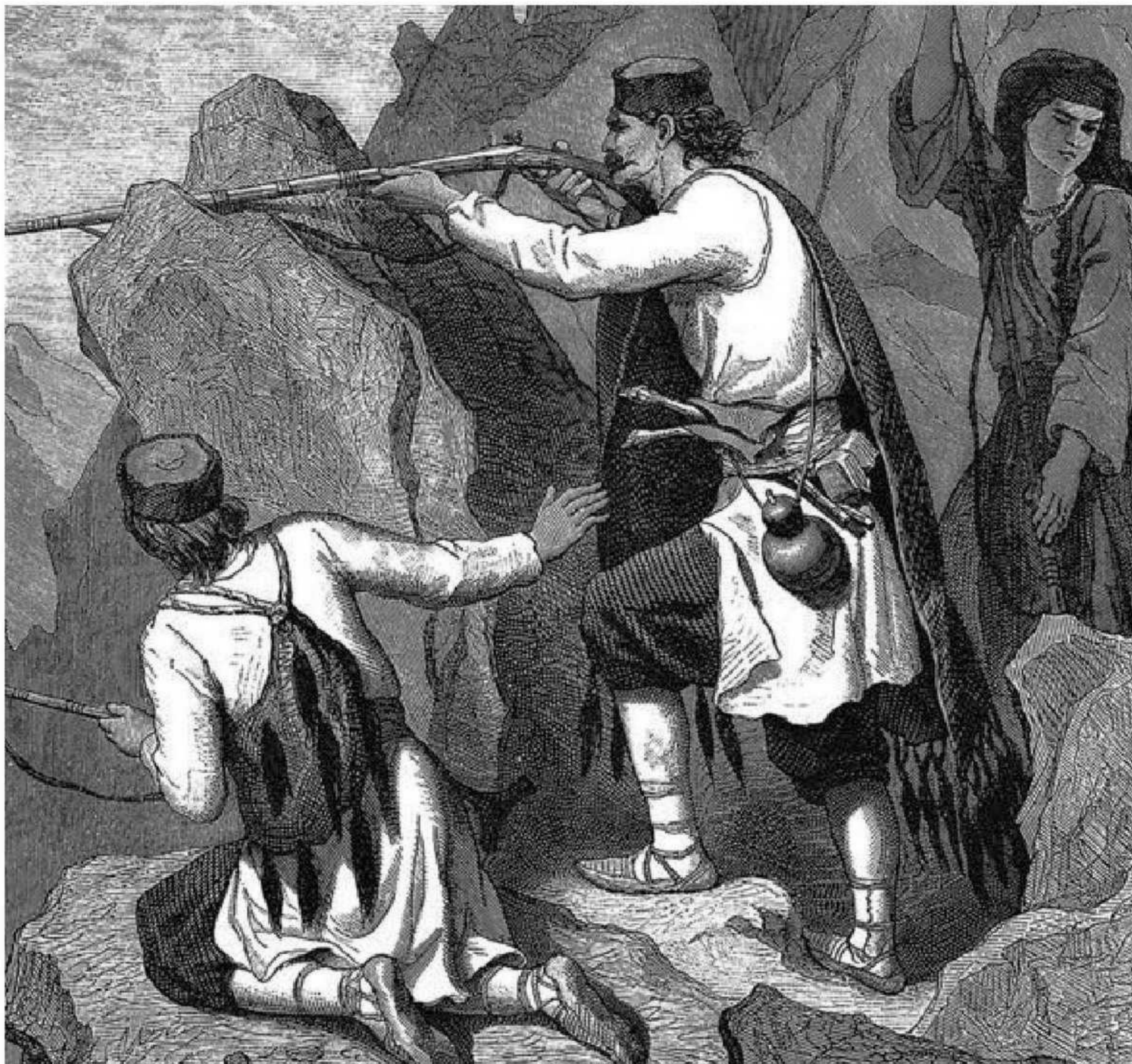
Прошло тридцать лет с того времени, как избрание Романовых прекратило Смуту. Царь Алексей Михайлович мог не бояться других претендентов на престол. И всё же он вздрогнул, выслушав донесение вернувшихся из Стамбула послов: при дворе султана объявился человек, именующий себя царевичем Иваном Васильевичем, сыном Василия Шуйского. И царь, и его бояре хорошо знали, что недолго побывший царём Шуйский был бездетным. Не было сомнений, что в турецких пределах появился новый самозванец. Но кто он такой? Расследование показало, что «царевич» сперва пытался идти по стопам Лжедмитрия – отправился в Польшу, где назвался «князем Тимофеем Великопермским», бежавшим от гнева Романовых. Король Сигизмунд беглым заинтересовался и велел платить ему такое же жалованье, как своим придворным, но использовать таинственного персонажа в своих интересах так и не решился – между Россией и Речью Посполитой был заключён «вечный мир», разрывать который было бы рискованно. Разочарованный «князь Великопермский» покинул пределы Польши и через Молдавию прибыл в Османскую империю. Здесь его ждал карьерный рост. Великому визирю он представился уже царским сыном, рассказав слезливую историю. Пленённый поляками Шуйский-де оставил младенца верным слугам, которые вырастили его. Первый из династии Романовых, царь Михаил Фёдорович, сперва уважал сына прежнего государя, даже поставил его владеть Пермью Великой. Но, когда царь умер, его наследник Алексей решил избавиться от явного конкурента и посадил его в острог. Теперь беглец хотел отплатить за перенесённые муки и восстановить законные права. В удивлении слушал визирь, как далеко готов зайти гость: если султан поможет ему войсками, он готов даже «побусурманиться» – принять ислам, а после возвращения на российский трон отдать туркам Астрахань. Царедворец хотел сохранить всю историю в тайне, но вечером того же дня переводчик и присутствовавший при беседе греческий архимандрит Амфилохий тайком направились к русским послам и за плату рассказали о зародыше новой Смуты, угрожавшей Русскому государству. Предупреждённый послами Алексей Михайлович поручил спешно выяснить, что же за птица прилетела в покои султана.

Надо сказать, что печальная история Лжедмитрия многому научила государей того времени.

Самозванцы оказались слабой картой в игре враждующих государств. Султан маринвал «царевича» точно так же, как и польский король, – без ясного понимания, что с ним делать. Про запас. «Иван Васильевич» то кипятился, то впадал в отчаяние – и, наконец, решился бежать. Его поймали и доставили пред ясны очи султана, который распорядился его казнить. Тот вымолил прощение согласием принять ислам. И тут же бежал снова, попытавшись укрыться в монастырях Афона. И снова ему пришлось вымаливать у султана прощение. Того, вероятно, восхищала целеустремлённость самозванца – султан Ибрагим хотел бы найти ему применение, но никак не решался. Всё случилось как в русских сказках, где герою везёт на третий раз: с помощью купцов-христиан «царевич» добрался до Сербии, где вовсю раздавал обещания вызволить братьев-славян из османского ига. Воодушевлённый доверием, оказанным ему сербами, он пустился в европейское турне. Для начала повидался с папой римским, предложив ему разыграть тот же сценарий, что и с Лжедмитрием, но на более выгодных условиях – вы нам поддержку и польские войска, мы вам – унию, которая объединит Католическую и Русскую православную церкви в единую. В доказательство искренно-

сти намерений равнодушный к вере «царевич» тут же, буквально не сходя с места, крестился в католичество. Но папа качал головой, раздумывая над бесславленным походом Гришки Отрепьева.

Видя, что с папой каши не сваришь, «Джованни Шуйский» отправился на Украину. Запорожские казаки находились в затянувшейся ажитации – гетман Богдан Хмельницкий пытался добиться от Алексея Михайловича согласия взять страну под свою защиту, но русский царь медлил, опасаясь войны с поляками. Тогда Хмельницкий решил напомнить царю, что власть Романовых не такая уж и прочная, как кажется. Демонстративно пригласил «царевича» жить у себя. Москва засуетилась – к самозванцу приезжали царские слуги, уговаривали его ехать в столицу: не бойсь, государь тебя простил и даже пожаловать хочет... Тот обмануть себя не дал – требовал, чтобы царь величал его в грамоте князем Шуйским, официально признав его происхождение. Рассерженный Алексей Михайлович решил действовать кнутом. Намекнул Хмельницкому: если он сомневается в правах Романовых на престол, то пусть не ждёт от Москвы покровительства. Гетман согласился выдать «князя Шуйского», но – вот незадача – тот как сквозь землю провалился. И тщетно государевы посланники

обещали щедрую награду любому, кто выдаст самозванца. Казаки знали, что тот скрылся с введом Хмельницкого, и боялись навлечь на себя гетманский гнев... Впрочем, след скоро отыскался. На сей раз тревожные известия пришли из Стокгольма. «Царевич Иван» объявился при дворе королевы Кристины, а потом прибыл в приграничную Нарву. Вслед за этим взбунтовался Псков, чьи жители повторяли слухи о вернувшемся в Россию законном государе. Однако восстание успеха не имело, и самозванец снова бежал. Из Голштинии он грозился пойти на русского царя войной, адресуя далёкой родине обидные вирши (помимо всего прочего, он оказался на удивление талантливим для того времени рифмоплётom):

*О Москва, мати
клятвопреступления!
Много в тебе хлопотов
и нестроения!*

Наконец, самозванца поймал и вывез в Москву опознавший его новгородский купец. Дыба сделала больше, чем годы боярского следствия: терзаемый палачами «царевич» сознался в своём низком происхождении. Бунтарь, доставивший государю столько хлопот, оказался приказным человеком Тимошкой Анкудиновым. Его отец, вологодский торговец холстом, видя у сына незаурядные способности, определил его в певчие. Молодой человек понравился архиепископу, который женил его на своей дочери. Однако Тимофей быстро промотал приданое и с женой и сыном перебрался в Москву, где устроился писцом в приказе, занимавшемся сбором податей с кабаков и трактиров. Привычки к мотовству он не оставил, и скоро в приказной казне образовалась недостача. Нечистого на руку мужа собиралась выдать родная

► Стефан Малый – Лжепётр Фёдорович

жена – мало того что он был транжирой, но к тому же питал преступную страсть к мальчикам! Тимошка решил инсценировать свою смерть – отвёл сына к товарищу, а свой дом на Тверской спалил, заперев внутри родную жену, и с мешком казённых денег бежал в Речь Посполитую. Мысль о самозванстве родилась у него за несколько лет до этого. Гостя у вологодского архиепископа Варлаама, Тимошка часто слушал похвалы владыки его уму: ты прямо царской палаты достоин. «Вот в мысли мои и вложилось, что я и впрямь знатного человека сын», – горько заключал пойманный «вор». Над ним рыдала специально доставленная из Вологды и опознавшая его мать. Царь приговорил «вора» к мучительной казни – четвертованию. Палач вывел Тимошку на Красную площадь, неспешно рубил ему руки-ноги, а затем, наконец, снёс голову, столь дерзновенно пытавшуюся примерить шапку Мономаха. Все части тела были нанизаны на пики и выставлены для всеобщего обозрения: чтобы никому не повадно было.

История Анкудинова ещё ярче, чем предшествующие случаи самозванства, обнажила вечную русскую проблему – в сословном обществе не было предусмотрено никаких социальных лифтов, позволявших деятельным и одарённым людям

низкого происхождения занять достойное своих талантов место. Самозванство стало таким, пусть и незаконным, социальным лифтом. И неудивительно, что явление пошло на спад в петровские времена, когда недавние смерды получили возможность выбиться на самый верх, превращаясь порой даже в ближайших соратников государя.

Мальй, да удалый

Да, о самозванцах Россия позабыла на сто с лишним лет. Удалось обойтись без них даже в эпоху дворцовых переворотов. Но, когда взбаламученное Петром сословное болото снова улеглось, пришлось вспомнить о хорошо подзабытом способе самореализации. Новая толпа мнимых государей обрушилась на страну совершенно нежданно. Наслаждавшаяся всей полнотой власти Екатерина Великая не могла знать, что до самой смерти будут преследовать её призраки убитого мужа.

Минуло всего четыре года после того, как новая императрица взошла на обагрённый кровью престол, когда в Черногории объявился её таинственным образом спасшийся муж. Местный офицер, служивший в России, признал Петра III в безусом юнце, носившем прежде прозвище Стефан Малый. Юноша не говорил ни по-русски, ни

по-немецки, но лицом невероятно походил на покойного императора. А главное – вёл себя так, словно и вправду был царь: повелевал местными старейшинами, а внимавшему ему народу обещал освободить Черногорию от турок, объединив её с Россией в одно славянское государство. Он обещал и многочисленные чудеса: вскоре созреют плоды деревьев и внутри их люди найдут не мякоть, а неисчерпаемые сокровища – рубины, смарагды, алмазы, золото и серебро.

В Черногорию стали стекаться отряды из Сербии, Албании и Далмации. Люди, поверившие, что час освобождения от турецкого ига настал, собирались драться за своего повелителя. Вокруг Малого образовался «двор» из назначенных им министров и генералов. И тщетно эмиссары посаженного турками черногорского правительства пытались убедить, что даже внешне Стефан не схож с «голштинским чёртушкой»: тому было за тридцать, этому красавцу нет ещё и семнадцати. Им нечего было возразить на сильный аргумент людей, уверовавших в спасшегося Петра III: посмотрите, он водку хлещет целыми днями со своими министрами и генералами – значит, и впрямь русский! Славянские народы поднялись на защиту своего государя, и перед испуганными правительствами Венеции и Османской империи

замаячил страшный призрак возродившегося Сербского царства. Турки и венецианцы спешно выставили против восставших 180-тысячную армию.

Стефан Малый, которому было семнадцать лет, показал себя превосходным полководцем: с пяти тысячным войском выстоял против этой орды. У города Будвы восставшие обрушили на головы стоявших в низине венецианцев огромные валуны, сталкивая их со скал. Дополнившая беды инозем-

цев внезапная буря с проливным дождём внушила пришельцам мысль, что сам Бог стал на сторону бунтовщиков – остатки войск в страхе бежали. Вслед за этим Стефан в нескольких боях лишил надежды на победу турецкие отряды. Прогнав карательные войска, «государь Пётр Фёдорович» стал править, и на удивление мудро: положил конец междоусобной бойне между кланами, жившими

по законам кровной мести, и ввёл строжайшие наказания за грабёж, к которому черногорские башибузуки были склонны, провёл всеобщую перепись, отделил церковь от государства, решив строить страну по образцу передовых держав Европы.

В России эти внезапные победы вызвали воодушевление. Русское командование увидело

► Пугачёв – казак, раскольник, самозванец

в восстании на Балканах возможность разделить силы турок и нанести им чувствительный удар. Но императрицу не могло не смущать то, что талантливый лидер восстания прикидывается её чудом выжившим супругом! В Черногорию прибыл из Петербурга генерал Юрий Долгоруков. Он призвал черногорцев подняться на борьбу за свою свободу, пообещав поддержку России. При этом генерал требовал принести присягу Екатерине, а проходимца, назвавшегося её мужем, немедленно выдать. Богатыми раздачами денег генерал сумел усыпить бдительность свиты Стефана и посадить его в темницу при монастыре, где располагалась русская миссия. Однако черногорцы быстро разочаровались в русском наместнике. Воевать с турками под его предводительством они не собирались. Очень скоро Долгоруков стал подозревать, и не без оснований, что ещё немного – и недавние союзники его просто прирежут. Стоит

**«КОГДА БОГ
ДОНЕСЁТ МЕНЯ
В ПЕТЕРБУРГ,
ЗАШЛЮ КАТЬКУ
В МОНАСТЫРЬ.
ПУСКАЙ ЗА ГРЕХИ
БОГУ МОЛИТСЯ»**

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЁВ

отдать ему должное, готовясь бежать из страны, он освободил пленника, вручил ему патент офицера русской армии и признал его неограниченным властителем Черногории.

Нет сомнений, что со временем «царь Пётр Фёдорович» вошёл бы в число блестящих европейских политиков, а его имя попало бы в учебники ещё прежде имён Маврокордатоса и Гарибальди. Блестящей судьбе помешал несчастный случай: прокладывая новую дорогу через горы, полководец приказал взорвать несколько скал – и в момент подрыва одной из них неосторожно оказался рядом. На его теле нашли шестьдесят две раны, осколками скалы ему повредило глаза – великий черногорец ослеп. Но даже это не помешало ему по-прежнему править страной, не покидая своей резиденции – монастыря Брчели. Наконец, туркам удалось подослать к нему убийцу – хитрого грека, который пробрался в монастырь под видом паломника и вернулся к посланному его паше с головой Стефана в мешке.

Все мужа Екатерины Великой

Екатерина вздохнула свободно, но ненадолго: в год смерти черногорского властелина над Яиком поднялся во весь огромный рост новый призрак её несчастного супруга. Донской казак Пугачёв назвался царём Петром Фёдоровичем недаром: скрываясь после бегства из войска Донского у старообрядцев, он не раз слушал их восторженные рассказы о безвременно ушедшем государе. Раскольники любили Петра III за изданный им указ о веротерпимости: равнодушный к православной церкви голштинiec разрешил эмигрировавшим старообрядцам вернуться на родину и свободно служить службы по старопечатным книгам. Немало старообрядцев было и среди примкнувших к нему казаков. В лице Пугачёва они обрели «царя истинного», которому предстояло наказать свою строптивую жёнку-блудодейку.

Впрочем, самозванство началось куда раньше. Когда казачество забурлило, явились в его среде выгнанные со службы чиновнички, спившиеся приказные, которые пользовались своей грамотой – писали манифесты, в которых объявляли «волю государыни»: помещиков, которые обижают своих крестьян, сечь плетьюми и гнать в Сибирь, а их крепостных записывать в государственные. Уже в этом было самозванство и некая магия. Привыкнув на службе к тому, что написанные ими на бумаге слова могут действовать на судьбы людские, даже потеряв своё место, чиновники продолжали верить: мы здесь власть! Вот сейчас присядем на скамью да составим манифест, и станет всё хорошо и справедливо.

И до Пугачёва появилась в России добрая дюжина «Петров Фёдоровичей», пытавшихся поднять восстания. Были среди них персонажи откровенно комические – такие, как разорившийся армянский купец Асланбеков: попавшись с фальшивым паспортом, уверял, что никакого документа и не требуется тому, кто на самом деле скрывающийся государь! Был беглый солдат Пётр Чернышёв, на несколько дней убедивший в своём царском достоинстве жителей родного украинского села. Век большинства из них оказывался коротким – ловили, секли плетьюми, драли ноздри и ссылали на вечные работы. Но были и такие, как Федот Богомолов, юноша настолько умный и харизматичный, что казаки сами объявили его спасшимся «царём» – несколько раз отбивали у властей и поднимали его именем восстания. Словом, Пугачёв пришёл на подготовленную почву. От других самозванцев его отличала вера в себя. Он охотно называл себя Петром III и даже возмущался, разговаривая с вражескими генералами и пленными офицерами: вы почему меня своим государем не признаёте? Те, конечно, посмеялись бы, если бы им не было совсем не до смеха: что общего было у этого тёмного человека (даже «царские манифе-

сты», сочинённые его грамотеями, были написаны словно двести лет назад, в допетровское время) с почившим в бозе государем? Но Пугачёв верил даже в свои сверхъестественные способности – вокруг его имени обращалось множество легенд, часть из которых, вероятно, распускал он сам. Так, рассказывали, что, встретившись под Оренбургом с посланным Екатериной генералом Каром, Пугачёв выехал вперёд и сказал вражескому войску, что докажет, что он царь. «Пушки у вас чьи? Царские, мои. Они против своего царя стрелять не станут». И точно, войско не смогло дать залп.

Конечно, нехитрый расчёт Пугачёва мог заключаться в том, что мистический ореол вокруг его имени заставит народ поверить в него ещё сильнее. Но едва ли это была только игра – искренняя вера Пугачёва в своё право на власть заражала даже тех, кто ещё не успел его повидать. В глубинке творились вообще странные вещи: в города приходили чуваши и требовали у властей обещанной истинным государем награды за то, что они вешали обижавших их попов и богачей. То, что власти награждали их тюрьмой и каторгой, обижало их до глубины сердца.

Нет смысла пересказывать историю пугачёвского восстания, известную каждому школьнику. На что никогда не обращали внимания авторы учебников, так это на то, что Пугачёв не собирался ограничиваться возвращением престола. Он собирался строить на земле некое подобие рая – утопическое государство, где не будет ни податей, ни рекрутских наборов, а земля и лес будут принадлежать всему народу. Башкирам он и вовсе рисовал картину времён до Адама: вот вам дикое поле «и пребывайте так, как степные звери». И когда, стоя на коленях в ожидании казни, Пугачёв крестился и восклицал: «Прости, народ православный, отпусти мне, в чём я согрешил перед тобой!» – вряд ли он просил прощения потому, что осознал, что он разбойник. Нет, просил простить именно за то, что не подарил этот рай тем, кто за ним шёл.

И это очень хорошо объясняет мировоззрение тех из самозванцев, которые до самого конца считали себя теми, кем назвались. Они и впрямь поверили, что стали помазанниками Божьими: Бог позвал – и они поднялись исполнять его волю. Самозванство сродни мессианству: одарённый и наделённый совестью лжемонарх приходит в мир, чтобы спасти народ, к которому послан. И последняя наша история – лишнее тому доказательство.

Убогий и удобный

Был у Екатерины и ещё один муж – самый странный из всех. Глава секты скопцов Кондратий Селиванов. Добровольно перенёсший кастрацию, чтобы избежать греховных помыслов, и совето-

вавший так поступить всем мужчинам, Селиванов сперва называл себя Христом, а затем вдруг стал называть и государем Петром Фёдоровичем. Он и не стремился объяснить это противоречие – как и его последователи, он был тёмным и к тому же глубоко травмированным человеком. Вокруг его имени быстро сложилась легенда, объясняющая, каким образом царю удалось спастись. История была такая: государь познал истинную веру и «убелил» себя, добровольно лишившись детородных органов. Похотливая Екатерина взбесилась, узнав об этом, и решила убить мужа, но он, наделённый божественным всезнанием, заранее узнал об этом и бежал, обменявшись платьем с верным гвардейцем. Удивительным образом в этой сочинённой неграмотными крестьянами сказке преломилось многое, о чём шептались при дворе, – и то, что подлинный Пётр Фёдорович страдал фимозом, из-за которого не мог иметь

«НЕ ЗАГЛЯДЫВАЙТЕСЬ, БРАТЬЯ, НА СЕСТЁР И НЕ ИМЕЙТЕ ПРАЗДНЫХ РАЗГОВОРОВ И СМЕХОВ»

КОНДРАТИЙ СЕЛИВАНОВ

близость и от которого избавился путём мучительной операции на половых органах, и то, что царица уничтожила нелюбимого мужа. При Екатерине и Павле Селиванов мыкался по ссылкам, а Александр выписал его в столицу, относился к нему с уважением и даже, говорят, консультировался у него, как справиться с Наполеоном. Скопцы объясняли внезапное возвышение своего учителя просто: любовь внука к мудрому деду. А Павла считали сыном-отступником, который пострадал за то, что порицал «убелённого» отца. Скопческая песня описывала встречу «отца» и «сына» так:

*Наш батюшка-искупитель
Кротким гласом провостил:
«Я бы Павлушку простил.
Воротись ко мне ты, Павел,
Я бы жизнь твою исправил!»
А царь гордо отвечал,
Божества не замечал,
Не стал слушать и ушёл.*